

А. В. Чигилейчик

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и трудового права
Академии Министерства внутренних дел
Республики Беларусь

РОБОТОТЕХНИКА И СИСТЕМЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА – СУБЪЕКТЫ ИЛИ ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ?

Аннотация. Проанализировано правовое регулирование общественных отношений, связанных с робототехникой и системами искусственного интеллекта. Исследована проблема определения их правосубъектности. Обосновано, что робототехника и системы искусственного интеллекта могут участвовать в гражданском обороте как объекты гражданских прав (имущество). Отмечены их специфичность, специальный правовой режим. В перспективе возможна корректировка правового положения без отождествления с правосубъектностью граждан (физических лиц).

Ключевые слова: искусственный интеллект, объекты гражданских прав, правоспособность, робототехника, цифровизация.

Введение. Развитие цифровизации общества, формирование цифровой экономики в условиях активного совершенствования и использования робототехники и систем искусственного интеллекта создают дополнительные возможности и риски. Использование робототехники и систем искусственного интеллекта меняет конфигурацию социальных и правовых отношений. По-иному осуществляется межличностное взаимодействие, переформируются системы образования и здравоохранения, трудовые и социальные отношения, нематериальные блага. Реализация потенциала робототехники и систем искусственного интеллекта способствует изменению моделей государственного управления экономикой, судопроизводства, гражданского оборота и др.

Сегодня масштабное применение робототехники и систем искусственного интеллекта, их активная коммерциализация вмиреочевидны. Искусственный интеллект стал неотъемлемой частью цифровой стратегии, каждая третья компания в мире уже внедрила какие-то из технологий искусственного интеллекта [1, с. 21]. Сферы применения робототехники и систем

искусственного интеллекта обширны и имеют тенденцию к увеличению. Робототехнике и системам искусственного интеллекта принадлежат большое будущее в сфере обеспечения безопасности в качестве инструмента технологии распознавания лиц, в банковской сфере – при роботизированном открытии счетов, оценке кредитоспособности клиентов банков, в сфере транспортных услуг – в использовании беспилотных автомобилей, авиационных систем (систем управления дронами), роботов-курьеров и т. п. На ранней стадии развития находятся такие перспективные технологии, как виртуальная (VR), дополненная (AR) и смешанная (MR) реальности, «подводный интернет вещей» и т. п. Сегодня развиваются 3D-промышленность, «биохакинг», технологии умного города, ведется разработка систем естественного языка, способных распознавать и генерировать речь, – основа работы чат-ботов и персональных помощников. Искусственный интеллект широко применяется в медицине: в диагностике заболеваний, в микрохирургии, в разработке лекарственных средств и т. п. Важными активами, создающими конкурентное преимущество, являются Big data («Большие данные»). Современные разработки в сфере робототехники и систем искусственного интеллекта свидетельствуют о возможности их применения в различных предметных сферах и отношениях.

Неоднозначно и настороженно искусственный интеллект и робототехника воспринимаются в сфере правовых отношений. Большинство исследований отличаются экспериментальным характером, законодательным новациям предшествуют юридические эксперименты, позволяющие подготовить интеграцию искусственного интеллекта в реальность, например, в сфере беспилотного транспорта. Введение в правовой оборот робототехники и систем искусственного интеллекта не может осуществляться в отрыве от социальной и экономической сфер, без учета технических параметров, обеспечения безопасности с взаимодействующими субъектами. Правовое регулирование робототехники и систем искусственного интеллекта являлось предметом исследования многих правоведов: Г. А. Гаджиева [2; 3], А. В. Габова [4], И. А. Хавановой [4], Н. П. Морхата [5; 6], А. В. Минбалеева [7], А. В. Незнамова, В. Б. Наумова [8], И. В. Понкина, А. И. Редькиной [9], А. Л. Савенка [10], С. А. Соменкова [11], О. А. Ястребова [12] и др. Результаты

имеющихся научных разработок свидетельствуют о необходимости системного изучения правового обеспечения искусственного интеллекта, решения имеющихся правовых проблем. Особое значение имеет совершенствование гражданско-правового регулирования робототехники и систем искусственного интеллекта, их интеграция в гражданский оборот.

Основная часть. Правовое регулирование общественных отношений, связанных робототехникой и системами искусственного интеллекта, находится на стадии становления и развития. В правовой литературе отмечают, что «правовые системы на текущий момент безнадежно отстали от развития технологии искусственного интеллекта... реальное применение искусственного интеллекта практически не обеспечено должной международно-правовой и национальной нормативной основой» [13, с. 23]. Вместе с тем закономерность развития робототехники и систем искусственного интеллекта общепризнана мировым сообществом. Важное значение придается унификации национальных правовых систем, согласованию правовых категорий, минимизации рисков в сфере прав и свобод граждан, обеспечению их безопасности.

Сегодня разработаны и реализуются различные международно-правовые документы в сфере робототехники и систем искусственного интеллекта: Резолюция Парламента Европейского союза № 2015/2103 (INL) «Нормы гражданского права о робототехнике» (2016), Дорожная карта развития робототехники в Европе «Robotics 2020» («Multi-Annual Roadmap»). В данной сфере в отдельных государствах приняты концептуальные программные документы и законы. Первым законом в сфере робототехники и искусственного интеллекта явился принятый в 2008 г. в Корею Закон «О развитии и распространении умных роботов» («Intelligent robots development and distribution promotion»). В документе предусмотрено создание специализированного института по развитию робототехники, определены меры государственной поддержки производителей. Одновременно закон содержит уголовно-правовые нормы, нормы, разграничивающие компетенцию и ответственность государственных органов и местных властей [8]. Программные правовые документы разработаны также в США: Национальная робототехническая инициатива «National Robotics Initiative» (2011), Дорожная карта развития робототехники («Roadmap for

US Robotics» (2011), в Японии: «Новая стратегия роботов. Японская стратегия роботов: обзор, стратегия, план действий» (2015), в КНР: План развития технологий искусственного интеллекта (2017) и др. Вопросы искусственного интеллекта фрагментарно решены на законодательном уровне, например, применительно к сфере беспилотной эксплуатации автомобилей: в Канаде действует Регламент № 306/15 «Пилотный проект – автоматизированные транспортные средства» (2015), в США разработана Федеральная политика в сфере автоматизированных транспортных средств («Federal Automated Vehicles Policy») (2016), в Германии и Дании внесены соответствующие изменения в законы о дорожном движении (2017). В Эстонии в 2017 г. получили правовую легализацию самодвижущиеся роботы-курьеры.

Республика Беларусь также не осталась в стороне перед необходимостью правового регулирования робототехники и искусственного интеллекта. Однако, как отмечает А. Л. Савенок, «в настоящее время в Республике Беларусь соответствующая работа по правовому регулированию использования автоматизированных технических систем, в том числе с элементами искусственного интеллекта, ведется недостаточно активно» [10, с. 192 – 193]. Сегодня в нашей стране создание, обучение нейронных сетей и иных алгоритмов в специализированных разделах искусственного интеллекта и реализация результатов данной деятельности входят в Перечень видов деятельности, которые вправе осуществлять резиденты ПВТ (п. 3 Декрета Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 «О Парке высоких технологий»). Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» резидентам ПВТ дополнительно предоставлено право на осуществление в установленном порядке деятельности в сфере искусственного интеллекта, создания систем беспилотного управления транспортными средствами. Искусственный интеллект и робототехника – приоритетные направления научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 гг. (Указ Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156).

Таким образом, краткий обзор отечественного и зарубежного законодательства о робототехнике и искусственном интеллекте в большей степени свидетельствует об отсутствии

системного специального правового регулирования соответствующих общественных отношений. В некоторых государствах концептуальные перспективные направления развития законодательства данной сферы содержат программные документы стратегического характера.

Исследование литературных источников позволяет определить общие проблемы робототехники и систем искусственного интеллекта. Сегодня экспертным сообществом во всем мире общепризнана необходимость разработки правил взаимодействия людей с роботами и искусственным интеллектом. Г. А. Гаджиев подчеркивает, что «создатели искусственного интеллекта должны ответить на вопрос, насколько велики риски, связанные с созданием искусственного интеллекта, способного к самообучению» [3, с. 29]. По мнению С. А. Соменкова, «если наука и техника сумеют приблизиться к созданию реально мыслящего искусственного интеллекта, аналогичного человеческому разуму, возможно, понадобятся временные ограничения на разработку таких систем, аналогично тому, как это сейчас сделано в отношении клонирования человека, до тех пор пока общество не будет готово разумно взаимодействовать с искусственным интеллектом» [11, с. 85]. В. А. Москвин пишет об отсутствии в мире качественных разработок сильного искусственного интеллекта. Возможны ситуации существенного превышения предела возможностей системы со слабым искусственным интеллектом. Автор приводит примеры авиакатастроф новейших моделей Boeing 737 Max 8, произошедшие в 2018, 2019 гг., указывая, что пилотов подвел слабый искусственный интеллект, предназначенный для решения частных задач. Системы со слабым искусственным интеллектом недостаточно согласованы между собой и не могут полноценно заменить человеческий интеллект при возникновении сложных ситуаций [14, с. 230–236].

Правовые проблемы в сфере робототехники и систем искусственного интеллекта – не менее значимы, их игнорирование препятствует интеграции искусственного интеллекта в различные сферы общественных отношений. А. В. Минбалеев отмечает, что «неопределенность правовой природы роботов, их сложная организационная структура обуславливают проблему выработки единых правовых понятий в сфере искусственного интеллекта и решения этических проблем» [7, с. 85].

В научных публикациях предприняты попытки постановки таких проблем, предложены пути их решения. В частности, И. В. Понкин и А. И. Редькина видят проблемный характер в определении понятия и признаков искусственного интеллекта, гетерогенности правовых статусов объектов с искусственным интеллектом, персонификации и квалификации ответственности искусственного интеллекта [9, с. 91–109]. А. А. Васильев и Д. Шпопер сводят правовые проблемы к отсутствию юридической дефиниции «искусственный интеллект», что сдерживает решение иных юридических вопросов – о правосубъектности искусственного интеллекта, ответственности за вред [13, с. 24]. П. М. Морхат также среди правовых проблем выделяет отсутствие единого правового понимания и объяснения феномена искусственного интеллекта, ответственность за последствия действий (бездействия) юнитов искусственного интеллекта. Важным видит вопрос о правообладателе на произведения, создаваемые юнитами искусственного интеллекта или с их существенным участием [6, с. 10].

Вышеизложенное свидетельствует, что обозначенные правовые проблемы сводятся к необходимости определения правового положения робототехники и систем искусственного интеллекта и, как следствие, возможности их самостоятельного или опосредованного участия в гражданском обороте в договорных и внедоговорных обязательствах.

Итак, одна из центральных проблем правового регулирования в сфере робототехники и систем искусственного интеллекта – определение их правового положения, отнесение к субъектам или объектам права. Это основные варианты интеграции робототехники и систем искусственного интеллекта в гражданский оборот. Решение данной проблемы осложнено автономностью отдельных роботов и систем искусственного интеллекта, возможностью их уникальной адаптации и самообучения. Определение места искусственного интеллекта в субъект-объектной системе координат «возможно либо в рамках существующих правовых категорий, либо в рамках сформированной новой правовой категории, имеющей собственный ряд характеристик и положений». Изложенное свидетельствует о необходимости изменения правового взгляда на робототехнику и системы искусственного интеллекта, активный поиск оптимальных моделей их участия в гражданском обороте.

Обоснование определения правосубъектности киберфизических систем искусственного интеллекта воспринято правовой общественностью неоднозначно: от негативного восприятия ввиду преждевременности поставленной проблемы до поддержки и разработки нормативного обеспечения. Так, по мнению Г. А. Гаджиева, до появления искусственного интеллекта, сравнимого с интеллектом человека, еще далеко. Когда появится субъект, обладающий сознанием, совестью человека, тогда и настанет время для признания его субъектом правоотношений. Если будет создан робот-агент, выполняющий множество социальных ролей, тогда и возникнет потребность в «юридической маске» [3, с. 29]. Вопрос о правосубъектности роботов и систем искусственного интеллекта всегда будет оставаться актуальным, и он «должен решаться на основе всестороннего анализа возможных (экономических и социальных) издержек и выгод» [2, с. 24].

Вместе с тем в правовой доктрине ведется работа по теоретическому обоснованию правосубъектности робототехники и систем искусственного интеллекта. Например, в Российской Федерации известны проекты нормативных правовых актов, предусматривающие персонификацию «умных роботов» в гражданском обороте: проект закона «О внесении изменений в ГК РФ в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» Д. С. Гришина, проект международного акта о регулировании робототехники, искусственного интеллекта и киберфизических систем А. В. Незнамова, В. Б. Наумова. Авторами предприняты попытки прогнозирования развития гражданских отношений с участием робототехники и систем искусственного интеллекта, внесены перспективные предложения по совершенствованию гражданского законодательства.

В настоящее время сформированы различные подходы решения проблемы определения правосубъектности робототехники и систем искусственного интеллекта. Первый подход предусматривает придание робототехнике и системам искусственного интеллекта правового статуса, равного либо близкого с правовым статусом гражданина (физического лица). Предпосылки обоснования данного подхода – прецеденты признания различных существ и объектов субъектами права. Законодательство отдельных государств предусматривает гуманное отношение к некоторым животным, наделяет различные

неодушевленные предметы правосубъектностью. Например, в Новой Зеландии на уровне закона установлено, что животные считаются разумными существами, в США и в ряде других стран на отдельные виды животных распространяется защита от заточения, экспериментов и жестокого обращения. Причем акцент делается именно на защите их «индивидуальности», «личности». В США в 1999 г. создано Американское общество за предотвращение жестокости по отношению к роботам (ASPCR) [12, с. 46, 47]. В Индии согласно древним религиозным обычаям суды признают юридическими лицами индусских идолов, основной священный текст сикхов; в рамках морского права в начале XX в. в некоторых государствах юридическими лицами признавались корабли [2, с. 32, 33].

Несомненно, в отношении отдельных видов робототехники и систем искусственного интеллекта вести речь о наделении их подобным правовым статусом нецелесообразно, например, в отношении роботов-ботов, роботов-микробов, передвигающихся в кровеносных сосудах [1, с. 11] и т. п. Однако искусственный интеллект может быть объективирован иным образом. Возможно создание систем искусственного интеллекта в форме персонального искусственного интеллекта (РАI), не цифрового аватора, а самостоятельной цифровой сущности. Например, РАI-аваторы, создаваемые компанией ObEN Inc., отличаются от других цифровых копий способностью самостоятельно говорить и действовать как люди, которых они представляют. Ими управляет искусственный интеллект, а не заранее созданные сценарии [1, с. 53]. Таким образом, постановка вопроса о наделении правосубъектностью физического лица возможна исключительно в отношении так называемых умных роботов – автономных и саморазвивающихся.

Необходимость придания роботам статуса субъектов права обоснована различными авторами. Например, А. В. Незнамовым и В. Б. Наумовым в разработанном проекте международного акта предложено определить роботов как субъектов права. По мнению ученых, роботы могут выступать в гражданском обороте как самостоятельные лица, являться собственниками других роботов (это касается всех киберфизических систем с учетом их конструктивных особенностей). Полагаем, что авторы не отождествляют правовой статус физического лица и робота, но в предложенном проекте

международного акта роботы названы субъектами права без каких-либо существенных ограничений.

Пример реализации первого подхода – предоставление в 2017 г. на саммите «Инвестиционная инициатива будущего» подданства Саудовской Аравии *антропоморфному* роботу в виде женщины по имени София, разработанному компанией Hanson Robotics. Вместе с тем возникает вопрос: может ли данный человекоподобный робот быть наделен в перспективе гражданской правосубъектностью, быть субъектом обязательственных и наследственных отношений и т. п.? Полагаем, решение видится возможным при сопоставлении характеристик систем искусственного интеллекта с гражданами – физическими лицами. Термин «физическое лицо» в гражданском праве конкретизирует человека как субъекта права. Физическими лицами считаются все люди независимо от государственной принадлежности. Им свойственно выражение эмоций, чувств, наличие самосознания, свободного волеизъявления и выбора. Правосубъектность физического лица характеризуется несением прав, исполнением обязанностей и юридической ответственностью. Характеристики «умного робота» совершенно иные. Робот способен становиться автономным, имеет по меньшей мере минимальную физическую поддержку, способен адаптировать свои действия и поведение в соответствии с условиями среды, у него отсутствует жизнь с биологической точки зрения [15].

Таким образом, в отношении систем искусственного интеллекта вопрос об определении их правосубъектности, равной правосубъектности физического лица, должен быть решен отрицательно. Сегодня системам искусственного интеллекта не может быть предоставлен правовой статус, равный правовому статусу физического лица. Но можно ли в будущем категорично утверждать об этом? По словам эксперта по искусственному интеллекту доктора Д. Леви, в перспективе роботы смогут иметь детей с людьми. Леви не называет конкретные сроки, но считает, что робомладенцы появятся в течение следующих 100 лет. Его предположения основаны на недавних исследованиях в университете штата Огайо в области стволовых клеток, биоинформации и генетики роботов [16, с. 26]. Но в ближайшей и среднесрочной перспективах отождествление правоспособности физического

лица и систем искусственного интеллекта преждевременно, недостаточно прогнозируемо, может повлечь сложные правовые, этические и социальные проблемы. Реализация данного подхода также повлечет усложнение гражданского оборота и непрогнозируемое форматирование апробированных цивилистических конструкций.

Второй подход при определении правосубъектности робототехники и систем искусственного интеллекта сформулирован в Резолюции Парламента Европейского союза № 2015/2103 (INL). Сложным автономным роботам предложено придать статус электронных личностей. Данный подход поддержан многими корпорациями в мире, которые стремятся избежать юридической ответственности за действия роботов, используемых в процессе осуществления предпринимательской деятельности [7, с. 85]. Юридической общественностью предложение Парламента Европейского союза воспринято негативно. Известно открытое письмо Европарламенту, в котором ряд экспертов в 2018 г. посчитали недопустимым введение в правовой оборот в качестве субъекта электронной личности. Согласно письму, было бы «неуместным, идеологическим, бессмысленным и не прагматичным вводить такой правовой статус» [17]. Проведенное П. М. Морхатом исследование зарубежной доктрины по данному вопросу выявило следующие проблемы: возможность ослабления правовой защиты людей, ограниченная уязвимость роботов к наказанию, использование данного правового статуса отдельными субъектами в целях исключения личной ответственности. Еще один проблемный аспект – получение правового статуса искусственным интеллектом – шаг на пути к получению полного набора конституционных прав и гарантий, таких как, например, право не содержаться в рабстве и т. п. П. М. Морхат подводит итог: «Концепт правосубъектности „Электронное лицо“ может быть в перспективе внедрен, но пока для весьма ограниченного числа случаев сложных роботизированных систем с искусственным интеллектом» [5, с. 69–71].

Действительно, подобная законодательная инициатива, исключая ответственность разработчиков и владельцев робототехники и систем искусственного интеллекта, в ближайшей и среднесрочной перспективах не совсем оправдана. Придание роботам правосубъектности в формате

«электронное лицо» требует уточнения ее содержания, конкретизации прав и обязанностей. Даже с учетом их ограниченного (усеченного) варианта, например, по аналогии с правоспособностью несовершеннолетних, возможны непредсказуемые последствия. Относительно юридической ответственности полагаем, что в отношении электронного лица она бессмысленна, если за юридической фикцией «электронное лицо» стоит человек. В том случае, если робот (иная система искусственного интеллекта) автономен и независим, возникают вопросы: насколько прогнозируемы последствия такой независимости и возможно ли будет гарантировать безопасность человека, о которой говорил еще А. Азимов, формулируя в 1942 г. законы робототехники?

Третий подход интеграции роботов и систем искусственного интеллекта в гражданский оборот определяет их как объекты гражданских прав (имущество) либо предусматривает сочетание правовой природы объекта гражданских прав с правосубъектностью отдельных субъектов права. Реализация данного подхода наиболее востребована. Большинство исследователей отмечают, что в ближайшей перспективе робот с искусственным интеллектом будет рассматриваться в качестве объекта права [18, с. 99], «такой подход господствует и сегодня: в юридическом смысле робот – имущество, а не „persona“; объект, а не субъект правоотношений» [4, с. 216]. Данная позиция нашла отражение и в зарубежной правовой доктрине. Так, С. М. Солайман пишет, что система искусственного интеллекта ввиду отсутствия такого важного элемента правосубъектности, как способность осуществлять права и обязанности, скорее всего, имеет правовой статус объекта права [19, р. 176].

Д. С. Гришин в разработанном проекте закона определяет правовую природу роботов «комбинированно». Автором предложено распространить на роботов правовой режим объектов гражданских прав (имущества) и юридических лиц. Такой робот-агент по решению собственника и в силу своих конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте. Робот-агент может иметь обособленное имущество, отвечать им по своим обязательствам, от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности. Виды моделей роботов-агентов должны быть зарегистрированы их производителями в еди-

ном государственном реестре. После регистрации и момента публичного заявления собственника о начале функционирования робот наделяется правоспособностью. Робот может быть предметом сделок или же объектом отношений, связанных с ответственностью владельца.

Анализируя аргументацию представителей последнего подхода, следует признать ее на современном этапе наиболее оправданной. Сегодня возможно участие робототехники и систем искусственного интеллекта в гражданском обороте в качестве объекта гражданских прав – имущества. Между тем робототехника и системы искусственного интеллекта как объект гражданских прав специфичны, они отличаются от других объектов по целому ряду признаков: автономности, самообучаемости, самостоятельности, возможности творчества и т. п. Их специфичность предполагает специальное правовое регулирование, которое должно обеспечивать не только их максимальную эффективность, но и безопасность, и доминирование человека.

Заключение. На основании изложенного целесообразно сформулировать следующие выводы.

1. Правовое регулирование общественных отношений, связанных с робототехникой и системами искусственного интеллекта, находится на стадии становления и развития: разработаны и реализуются международно-правовые документы, в отдельных государствах – программные документы стратегического характера либо внесены изменения в законодательные акты применительно к отдельным сферам деятельности (беспилотный транспорт, роботы-курьеры и т. п.). Реализация потенциала робототехники и систем искусственного интеллекта с учетом увеличивающейся масштабы их применения свидетельствует о целесообразности специального системного правового регулирования данной сферы общественных отношений.

2. Постановка проблемы определения правосубъектности робототехники и систем искусственного интеллекта не является преждевременной. Объективно необходим поиск эффективных моделей активизации в гражданский оборот «умных роботов» и систем искусственного интеллекта, решение проблем гражданско-правовой ответственности. Важным видится сохранение баланса между активным развитием робототехники и систем искусственного

интеллекта с доминирующей ролью человека, обеспечением его безопасности. Имеющиеся научные разработки свидетельствуют об отсутствии единообразных подходов к ее решению. Первый подход предусматривает возможность наделения отдельных систем искусственного интеллекта самостоятельным правовым статусом (схожим с правовым статусом физического лица), второй – наделение «умных роботов» и системы искусственного интеллекта правовым статусом электронных личностей, третий – их интеграцию в гражданский оборот в качестве объектов гражданских прав (имущества) без предоставления какой-либо правосубъектности (либо придания частичной правосубъектности иным субъектам права).

3. Сегодня робототехника и системы искусственного интеллекта могут рассматриваться как объекты гражданских прав (имущество). Специфичность таких объектов, существенные отличия и особенности предполагают специальный правовой режим с акцентом на обеспечение их максимальной эффективности и безопасности человека. В перспективе правовое положение робототехники и систем искусственного интеллекта может быть скорректировано, но такая корректировка должна осуществляться без отождествления с правосубъектностью граждан (физических лиц).

Список использованных источников

1. Дайджест робоправа : инф. бюл. новостей и публикаций о регулировании нов. технологий. – 2019. – № 13. – 99 с.

2. Гаджиев, Г. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? / Г. А. Гаджиев, Е. А. Войниканис // Право. Журн. высш. шк. экон. – 2018. – № 4. – С. 24–48.

3. Гаджиев, Г. А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г. А. Гаджиев // Журн. рос. права. – № 1. – 2018. – С. 15–30.

4. Габов, А. В. Эволюция роботов и право XXI века / А. В. Габов, И. А. Хаванова // Вестн. Томского гос. ун-та. – 2018. – № 435. – С. 215–233.

5. Морхат, П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо / П. М. Морхат // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия «Юриспруденция». – 2018. – № 2. – С. 61–73.

6. Морхат, П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы / автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / П. М. Морхат. – М. : 2018. – 44 с.

7. Минбалеев, А. В. Проблемы регулирования искусственного интеллекта / А. В. Минбалеев // Вест. ЮУрГУ. Серия «Право». – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 82–87.

8. Незнамов, А. В. Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире / А. В. Незнамов, В. Б. Наумов // Юрид. исследование. – 2017. – № 8. – С. 14–25.

9. Понкин, И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестн. РУДН. Серия «Юрид. науки». – 2018. – № 1. – С. 91–109.

10. Савенок, А. Л. Использование искусственного интеллекта: уголовно-правовые проблемы / А. Л. Савенок // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 февр. 2019 г. : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – С. 192–193.

11. Соменков, С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? / С. А. Соменков // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2. – С. 75–85.

12. Ястребов, О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы / О. А. Ястребов // Тр. Ин-та гос. и права РАН. – 2018. – Том. 13. – № 2. – С. 36–55.

13. Васильев, А. А. Искусственный интеллект: правовые аспекты / А. А. Васильев, Д. Шпопер // Изв. АлтГУ. Юрид. науки. – 2018. – № 6. – С. 23–26.

14. Москвин, В. А. Искусственному интеллекту не хватает интеллекта [Электронный ресурс] / В. А. Москвин // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennomu-intellektu-ne-hvataet-intellekta>. – Дата доступа: 25.05.2020..

15. Дайджест робоправа : инф. бюл. новостей и публикаций о регулировании нов. технологий. – 2017. – Дек. – 62 с.

16. The EU is right to refuse legal personality for Artificial Intelligence [Electronic resource] // Euractiv media network bv. – Mode of access: <https://www.euractiv.com/section/digital/opinion/the-eu-is-right-to-refuse-legal-personality-for-artificial-intelligence>. – Date of access: 14.05.2020.

17. Лаптев, В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В. А. Лаптев // Право. Журн. Высш. шк. экон. – 2019. – № 2. – С. 79–102.

18. Solaiman, S. M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy / S. M. Solaiman // Artificial Intelligence and Law. – 2017. – Vol. 25, № 2. – P. 155–179.

28.05.2020

A.V. Chigileychik
Candidate of Juridical Sciences,
Lecturer at the Department of Civil and Labour Law
of the Academy of the MIA
of the Republic of Belarus

ROBOTICS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS – SUBJECTS OR OBJECTS OF CIVIL RIGHTS?

Abstract. The legal regulation of social relations related to robotics and artificial intelligence systems is analyzed. The problem of determining their legal personality is investigated. It is proved that robotics and artificial intelligence systems can participate in civil circulation as objects of civil rights (property). Their specificity, special legal regime are noted. In the future, it is possible to adjust the legal status without identification with the legal personality of citizens (individuals).

Keywords: artificial intelligence, civil rights, legal capacity, robotics, digitalization.